

Неизвестно, кто нанёс такие тяжёлые удары... Казалось, они были рассчитаны на то, чтобы лишить жизни, но при этом удары наносились с хирургической точностью — в самые мучительные места тела, не угрожая жизни. Однако когда пострадавшая придёт в себя, ей придётся терпеть невыносимую боль при каждом вдохе на протяжении одного-двух месяцев. Врач в белом халате, проводя операцию, не мог скрыть своего удивления.

Неужели это дело рук профессионального мстителя?

Он и не подозревал, что Цзян Мэнлинь, в прошлой жизни проведший годы в жестоких схватках, отточил свои навыки на пытках. Разве могло быть сложно для него мучить женщину? Это было для него так же просто, как взять что-то с полки.

— Это... — Цзян Фанчжоу колебался, но всё же спросил. — Раны на её лице...

— Эх... — Врач вздохнул, снова поправил маску, и его лицо стало мрачным. — Яд, нанесённый на лезвие, не опасен для повседневной жизни, но шрам... он останется. Я наложил двадцать швов. Когда она придёт в себя, напомните ей, что рана будет зудеть, но ни в коем случае нельзя её трогать.

— ...

Цзян Фанчжоу, словно окаменев, опустил на стул.

Шрам...? Такая прекрасная девушка, и теперь её лицо навсегда обезображено?!

Нет! Нет!!

Переполненный любовью, Цзян Фанчжоу сжал зубы и принял решение: он обязательно женится на ней! Он посвятит всю свою жизнь заботе о ней!

Врач, видевший множество таких родственников, остался невозмутим. Он бросил последнюю фразу и прошёл мимо Цзян Фанчжоу:

— Она очнётся, когда пройдёт действие анестезии, примерно через двадцать минут. Её переведут в палату, не забудьте найти сиделку.

Сине-белые полосы палаты ослепили Лю Я. Она медленно открыла глаза, взгляд упал на источник света — Цзян Фанчжоу, измученный, стоял у стены, дремля.

Этот мужчина, которого она любила всем сердцем...

Лю Я тихо вздохнула, снова прикусив губу, чувствуя, как всё тело онемело.

Она испугалась, дыхание участилось, и тут же острая боль пронзила грудь, словно пытаясь вырвать её душу!

— Ачжоу! Ачжоу! Мне больно...

Цзян Фанчжоу, разбуженный стоном любимой, бросился к ней:

— Как ты себя чувствуешь?!

Лю Я, сжав брови, выглядела хрупкой и беззащитной, что растрогало Цзян Фанчжоу до глубины души. Он взял её руку в свои, глядя только на неё, и Лю Я медленно произнесла:

— Сестра Ли... Как она?

Эта женщина, наверное, уже отступила?

О, какая добрая девушка!

Цзян Фанчжоу почувствовал себя виноватым. Он нежно погладил открытую часть щеки Лю Я, его глаза наполнились нежностью:

— Ты всегда такая добрая, не думай о ней. Просто знай, что я люблю тебя, и мы обязательно будем вместе!

Лю Я невольно застонала:

— Больно...

Но в то же время на её лице появилась улыбка.

Она тут же заметила, что под действием анестезии половина её лица была тёплой и мягкой.

Лю Я в ужасе широко раскрыла глаза, учащённое дыхание заставило её тело словно взорваться от боли. В этот момент она почти хотела умереть!

Она с надеждой повернула голову к своему возлюбленному, слёзы медленно текли из уголков глаз, но её дрожащий голос был сильнее:

— А... Ачжоу, моё лицо, моё лицо...?

Цзян Фанчжоу с болью поцеловал её заплаканные глаза:

— Ая, Ая, я женюсь на тебе, не волнуйся, я женюсь на тебе! Обязательно женюсь!

Лю Я с недоумением смотрела на мужчину, который продолжал давать обещания, её рука дрожала, и она медленно произнесла:

— Зер-ка-ло... Мне нужно зеркало...

Лю Я внезапно закричала пронзительно:

— Дайте мне зеркало!!!!

Длинная полоса крови, просочившаяся через медицинскую вату на повязке, заставила Лю Я, не выдержав такого удара, чуть не потерять сознание.

Лю Я была потрясена, её сознание помутилось, осколки зеркала рассыпались по полу, она смотрела на потолок, только слёзы текли по её лицу.

Цзян Фанчжоу, охваченный болью и тревогой, протянул дрожащую руку, но не посмел коснуться своей возлюбленной.

Даже при всей своей хитрости, Лю Я, потеряв свою красоту, которой она так гордилась, оказалась в растерянности.

— Кто нанёс мне эту рану? — Голос Лю Я был холодным, пронизанным ненавистью. —

Фанчжоу, я не могу просто так отпустить его!

Цзян Фанчжоу испугался, такой холодный вид его возлюбленной он видел впервые. Но женщина, пережившая такие перемены, могла легко сойти с ума, и Цзян Фанчжоу не стал об этом думать. Более того, он чувствовал себя виноватым и тихо ответил:

— Ая, Сяолинь получил рану на лбу, и тогда он выглядел очень странно. Я подозреваю, что его ударили так сильно, что он мог сойти с ума... Ая, не будь такой, мне страшно...

Лю Я внутренне вздрогнула, снова набила лицо привычным выражением слабости и с недоверием покачала головой, слёзы блестели в её глазах:

— Ты... Что ты имеешь в виду? Сяолинь...

Слёзы Лю Я текли рекой, боль в груди заставила её почти задохнуться, но она не хотела просто так отпустить сына этой стервы:

— Фанчжоу! Фанчжоу... Ты же говорил, что больше всего любишь меня такой, какой я была раньше? Теперь я уже не такая, как прежде, даже Сяолинь... Но почему он поступил со мной так жестоко?!

Лю Я рыдала, размышляя, сможет ли она с помощью этой раны и силы своего отца посадить их обоих в тюрьму. Кто вспомнит о них, когда они окажутся за решёткой?

Дверь палаты внезапно с грохотом распахнулась, снаружи раздался испуганный крик медсестры:

— Господин, пациенту нужен покой, вы не можете...

Цзян Мэнлинь подтянул её к себе и тихо предупредил:

— Убирайтесь.

Его взгляд был холодным, а засохшая кровь на голове делала его похожим на демона, вырвавшегося из бездны, чтобы забрать чью-то жизнь.

Медсестра побледнела от страха, и как только Цзян Мэнлинь отпустил её, она, спотыкаясь, убежала, опираясь на стену. Цзян Мэнлинь стоял у двери, с усмешкой наблюдая за разворачивающейся в палате драмой.

Дедушка Цзян не обращал внимания на покой пациента, он знал только одно: эта лиса в палате не только соблазнила его сына на позорный поступок, но и осмелилась ранить его родного внука! За всю свою жизнь он никогда не был так зол, даже когда десятки лет назад в деревне хотели забрать их единственного вола, он не чувствовал себя так униженно. Он всегда верил, что терпение — это благословение, и все в деревне и городе хвалили его за широту души. Дедушка Цзян был честным человеком, дорожил своей репутацией, и все знали, что в его семье царит гармония, дети и внуки окружают его заботой! Но в старости он столкнулся с такой мерзостью, разрушившей всё!

— О! Дайте я хорошенько посмотрю, — Бабушка Цзян не была такой сдержанной, как её муж, едва войдя в комнату, она громко закричала. — Чья это лиса недосмотрела, что вышла соблазнять женатого мужчину?!

Деревенские люди не стеснялись в выражениях, и их речь была полна ругательств. Дверь палаты оставалась открытой, и проходящие мимо пациенты, заинтересованные происходящим, быстро собрались вокруг.

Бабушка Цзян ругалась так грязно, что Лю Я, выросшая в богатой семье, где родители обладали властью, никогда не слышала таких оскорблений. Сначала она была в шоке, но потом, придя в себя, хотела ответить тем же, но вспомнила, что рядом находится мужчина, и испугалась, стиснув зубы, покраснев от злости, дрожа, спряталась под одеяло.

Она повернула голову и увидела мальчика с окровавленной головой, стоящего у двери и холодно улыбающегося ей. Заметив её взгляд, он медленно, очень медленно провёл пальцем по своей щеке.

Лю Я всё поняла! Это было сделано намеренно!

В тот момент она не могла признать, что первое, что она почувствовала, было ледящим страхом.

Пятнадцатилетний мальчик без колебаний провёл ножом по её лицу...

Ужас усилил боль в груди, но прежде чем она успела закричать, на её голову обрушились удары!

Бабушка Цзян ругалась вовсю, дедушка Цзян был в ярости и, схватив трость, начал бить!

Лю Я в ужасе закричала, но вдруг услышала, как за дверью кто-то с удивлением сказал:

— Эй? Это не дочь директора Лю?

<http://bllate.org/book/16657/1526494>